

Для мамы и папы,
которым не обязательно читать эту книгу.
Жизнь с вами совершенно точно не вдохновила
меня на этот сюжет (представьте себе!), но вы
вдохновили меня на писательство. Вам достался
странный ребенок, но вы сообразили, как с ним
справиться. Вечно вам за это признательна.

Для Джона,
который подарил мне уверенность в творчестве.
С каждым прожитым годом я восхищаюсь тобой
все сильнее. Никогда не переставай петь
R&B-баллады времен девяностых
в самое неподходящее для этого время.

Для трех моих чудесных детей,
которые пишут гораздо лучше, чем я когда-либо
буду, и обладают волосами куда красивее, чем у меня
когда-либо были. Вам нельзя читать эту книгу.
Положите ее обратно на полку.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Из вентиляции до Джереми доносились крики. Он прекрасно их слышал, но не обращал внимания. Его ежевечерняя рутина стояла на первом месте. Скучные и обыденные дела, благодаря которым он чувствовал себя самим собой. Даже самое простое действие — повернуть рукоятку древнего крана в его опрятной ванной — словно заземляло его, помогало обрести спокойствие.

Его вечер обычно заканчивался у зеркала. Он вылезал из душа, затем неспешно брился — ему нравилось залезать в кровать с чистым телом и чистым разумом. Он тщательно следил за тем, чтобы каждый вечер проходил одинаково, невзирая ни на какие внешние обстоятельства.

Сегодня его обычную рутину прервал особенно громкий вскрик. Джереми уставился в зеркало, чувствуя, как его начинает затоплять гнев. Прорастал в нем, словно сорняк. Звучащие из подвала вопли казались почти ритмичными, они мешали ему думать. Он нена-

видел громкие звуки всегда, сколько себя помнил. Когда он был маленьким, каждый раз, когда он оказывался в людном месте, ему начинало казаться, что мир вокруг стремительно уменьшается, зажимая его в тиски. Единственный звук, который приносил ему наслаждение — это шум болотных топей. Эта многоголосая симфония всегда убаюкивала его, словно теплое одеяло. Звуки дикой природы — вот настоящая музыка для ушей.

Он попытался отрешиться от воплей. Его рутина священна. Он вздохнул, убрал со лба выбившуюся прядь светлых волос и включил радио, стоящее у раковины. Настоящую музыку Джереми тоже любил, в ней он находил умиротворение. Из динамиков зазвучала «Hotline Bling», исполненная Дрейком, и Джереми тут же выключил звук. Долгожданного облегчения не наступило. Иногда ему казалось, что он родился в неподходящее время.

Он медленно смыл с рук кровь и грязь, стараясь не обращать внимания на приглушенные, полные страданий стоны, которые слышит из вентиляции. Затем он долго рассматривал себя в зеркало. С каждым годом его скулы выступали чуточку сильнее. Возраст берет свое, и это приносило Джереми странное удовлетворение. Множество абсолютно нормальных, уравновешенных людей всегда восхищались изящными очертаниями черепных костей. Большинство из них даже не понимали, как примитивно зловещи их пристрастия. Они не позволяли себе как следует присмотреться к дикой стороне собственного разума,

еще миллионы лет назад сформировавшейся у наших предков из-за потребности выжить любой ценой. Не хотели увидеть черты, которые эволюция сочла полезными. Люди зачастую слишком тупы, чтобы понять — их собственные пристрастия рождены генами, берущими свое начало из безжалостных, жестоких времен.

Джереми совсем не выглядел порочным. Он казался безобидным, а временами мог выглядеть совершенно нормальным. Вот поэтому это все и работало.

Существует такое растение, аморфофаллус титанический — иногда его попросту называют «трупным цветком». Он огромен, прекрасен, и у него нет никаких защитных механизмов, которые представляли бы опасность. Но когда он цветет — примерно каждые десять лет — он источает аромат, напоминающий тухлое мясо. И он отлично живет. Можно сказать, процветает. Джереми не так уж сильно отличался от трупного цветка. Люди стекались поглазеть на это удивительное растение, и многие его любили, несмотря на все странности.

Завтра четверг. Четверги для Джереми — все равно что пятницы, хоть он и ненавидел это выражение. С тех пор, как он перешел на второй курс в Туланском медицинском университете, он с удовольствием пользовался возможностью брать на работе отгулы по пятницам. И хоть в пятницу ему все еще нужно будет побывать на паре лекций, выходные у него теперь начинались на день раньше, а выходные — это время, когда он занимался большинством своих дел. Сегодня

Джереми был особенно взбудоражен — планы на нынешних гостей у него масштабные. Конечно, ему придется постараться, чтобы довести все до конца — Джереми не хватало еще одного гостя.

К ним присоединится Эмили. После того, как они начали вместе работать на биологии, Джереми много недель анализировал ее поведение и пришел к выводу — она та, кто сможет наконец-то бросить ему долгожданный вызов. Несколько раз в неделю Эмили бегала по утрам, у нее не было вредных привычек — а значит, выносливости у нее должно хватать. Она жила с двумя соседками в Пончатуле — они вместе снимали большой дом. Эмили, конечно, слишком уж жаждала поделиться подробностями своей жизни с новым напарником по лабораторным, но в остальном она была уверенной в себе, способной, умной — словом, обладала всеми качествами, которые помогут ей в игре. Остальные, конечно, тоже по своему полезны, но Джереми считал, что после такого длительного пребывания в его доме они не смогут полноценно участвовать в запланированных на выходные мероприятиях.

С прошлой субботы другие два гостя уже успели немного пострадать. Джереми встретился с ними в Бьюкенене — ему даже заранее готовиться не пришлось. Обычно он предпочитал поближе узнать потенциальных гостей — как это было с Эмили — но эти двое удобно подвернулись ему под руку. словно сама

Вселенная умоляла помочь ей избавиться от отбросов общества. И, конечно, Джереми подчинился.

Кэти и Мэтт были до боли обычны. В их головах — ни единой собственной мысли. Они не задумываясь отправились домой к обладателю столь изящных черепных костей, стоило ему только пообещать им наркотики. К нынешнему моменту Кэти и Мэтт уже поняли — решение было скверным. Из вентиляции снова донесся болезненный стон, и Джереми ощутил, что теряет терпение.

Он бросил свой вечерний ритуал незаконченным и бегом спустился вниз по лестнице в подвал — туда, где сейчас живут его гости. Он тут же услышал, как тихие стоны Кэти сменились полными ужаса вскриками. Она отшатнулась назад, маленькая и хрупкая.

— Тебе надо понять, что сейчас ты в гостях в чужом доме, — произнес Джереми, глядя в ее грязно-коричневые глаза.

Кэти была безнадежно непримечательна. Безжизненные каштановые волосы липли к ее покрытой засохшей кровью шее. Весь ее вид так и кричал: «Я живу в трейлере», хотя она изо всех сил пыталась это скрыть. Передние зубы у нее слегка выпирали, словно у грызуна — и это могло бы быть очаровательным, если бы Кэти не была такой идиоткой. Когда он подошел к ней в баре, она рассказывала Мэтту какую-то смешную историю о том, как была чирлидером в старшей школе — историю абсолютно жалкую и неинтересную. Кроме того, скорее всего, Кэти су-

щественно приврала, учитывая, в какой физической форме она пребывает сейчас.

Джерери поправил ремни, фиксирующие Кэти на стуле, проверил капельницу, которую поставил от обезвоживания. Все в порядке, никаких проблем. И пакет с физраствором закончится еще не скоро.

— Вот Мэтт ведет себя уважительно. Постарайся быть больше похожей на Мэтта, Кэти, — Джерери широко улыбнулся и взмахом руки указал на молчаливое и неподвижное тело Мэтта, обмякшее на соседнем стуле.

Они оба прекрасно знают, что он попросту отключился во время прошлого визита Джерери — вероятнее всего, от шока. Кэти принялась громко подвывать, и Джерери закатил глаза. Сейчас она попросту испытывала его великодушие: отчаяние Кэти вызывало в нем лишь отвращение и ничего более.

Некоторое время Джерери тихо стоял напротив. Затем потянулся через темноту к радио, расположенному ровно между двумя стульями, и нажал кнопку включения. Подвал наполнился мелодией Эдвина Коллинза — «Такая девушка, как ты», и Джерери улыбнулся сам себе. Наконец-то хоть один приятный звук.

— Так-то лучше, — и он начал покачиваться в такт музыке, предоставив Кэти еще один шанс взять себя в руки.

К концу первого куплета она начала безудержно рыдать. Джерери без раздумий схватил в руки плоскогубцы и одним быстрым движением вырвал отвра-

тительно-розовый ноготь с большого пальца ее левой руки. Рывком приблизил к себе ее искривленное в рыданиях лицо — так близко, что они коснулись носами.

— Еще один звук, и я начну выдергивать зубы. Ясно?

Кэти смогла только кивнуть, но Джереми удовлетворился и этим. Он отбросил плоскогубцы в угол и, подмигнув, отправился вверх по лестнице.

В детстве Джереми жалость встречалась нечасто. Как и множество других вещей, если уж говорить начистоту. Его отец был мужчиной суровым, но справедливым, и приходя домой, он ожидал определенную степень подчинения и от жены, и от сына. Если Джереми удавалось поймать его в подходящем состоянии духа, отец с готовностью учил Джереми множеству полезных и интересных вещей. Он работал автомехаником, и хоть настоящего образования у него не было, Джереми всегда гордился тем, что его отец работает с самолетами и стремился хоть глазком посмотреть на величайшее творение человечества.

Но если момент был выбран неподходящий, Джереми ожидало жестокое наказание.

Несмотря на его непредсказуемость, Джереми каждый день с нетерпением ждал отца с работы. Они мало чем занимались вместе, но все же были моменты, которые Джереми ценил. После целого дня, проведенного наедине с матерью, он наслаждался уютной тишиной, повисшей в гостиной, пока они с отцом смотрели телевизор перед сном. Дни Джереми обычно

были наполнены пренебрежением и игнорированием, сдобренным редким проявлениям внимания от матери — таким бурным, что это было даже чересчур. Казалось, она не может контролировать свои чувства — их было то слишком мало, то слишком много.

Внимание Джереми всецело занимали книги — его надежное убежище от непредсказуемого поведения родителей. В семь лет он все еще не учился в школе. Но насколько бы невнимательной не была его мать, каждые несколько дней она водила его в библиотеку, что стояла на авеню Святого Чарльза. Они всегда ходили туда по рабочим дням, пока отец был занят на работе. В то время Джереми еще не понимал, что его мать таскает его в библиотеку с единственной целью — у нее была интрижка с одним из библиотекарей. Так или иначе, он превосходно усвоил преподанные ей уроки коварства и обмана. Он быстро выучил, что никогда нельзя говорить отцу, что мать оставляет его одного шататься туда-сюда вдоль книжных полок, а сама в это время уходит в подсобку вместе с мистером Кэрравеем. И еще важнее: он научился красть, и научился он этому сам. Джереми приносил домой книги, тайком сунутые под пальто или в рюкзак — нельзя было рассчитывать, что мать согласится расписаться для него в формуляре. Сейчас Джереми понимал, что работники библиотеки, скорее всего, просто из жалости отводили взгляд в сторону, позволяя ему брать, что хочет, но в то время он чувствовал себя так, словно только что провернул ограбление банка.

Иногда мисс Нокс — одна из библиотекарей — пробовала с ним поговорить. Как-то раз она даже набралась смелости спросить, все ли у него в порядке дома — и голос у нее дрожал от беспокойства. Джереми не ответил. Вместо этого он попросил у нее книгу по лоботомии. Недавно он ознакомился с этой архаичной медицинской практикой и с ее самым ярким поклонником — доктором Вальтером Фриманом. На выходных его отец смотрел повтор одной из серий «Фронтлайна», «Сломанные умы». Рассказывалось в ней о жестокости психиатрической медицины, и особенное внимание уделялось лоботомии: методу, которому подвергали пациентов, диагностированных такими тяжелыми заболеваниями, как, например, шизофрения. Врачи одним точным разрезом отсекали от мозга тот участок, который, как они считали, был ответственен за атипичное поведение.

Больше всего Джереми покорила методика префронтальной лоботомии доктора Фримена. Джереми помнил, как про это шутили: «лоботомия ножом для колки льда». Невероятно провокативное название, которое вызывало в его воображении образ: хирург в безупречно чистом халате, одержимый желанием исследовать психически больной разум. Позже, в 1992 году, он услышал, как небрежно в новостях рассказывают о так называемой «лоботомии», которую серийный убийца Джефффри Дамер использовал, чтобы подчинить себе своих жертв. Джереми тогда почувствовал отвращение. Дамер был настолько клиническим идиотом,

что думал, будто сможет создать послушного зомби, вводя в мозг жертвы чистящее средство и кислоту. Он был имбецилом, а называть это «лоботомией» — это все равно что говорить, что Тед Банди просто «ходил на свидания». Джереми практически видел, как доктор Фриман вращается в своем гробу.

Джереми был ребенком, жаждущим знаний. И поскольку эту потребность никто не удовлетворял, он подкармливал свой голод с помощью собственных экспериментов. Совет его отца, услышанный в далеком детстве, эхом отзывался в его ушах всю жизнь.

— Хочешь узнать что-нибудь новое, сынок? Вскрой это.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Несмотря на ранний час, воздух Луизианны казался густым, словно патока. Судмедэксперт, доктор Рен Мюллер, сонно моргая, вылезла из машины в душную ночь. Она покосилась на часы и поморщилась, раздумывая, как было бы хорошо, если бы преступники хоть на пару месяцев перестали совершать свои грязные дела в два часа ночи.

Она прошла сквозь густую, влажную траву и встала на выступающие корни голого кипариса, растущего неподалеку. Его ствол испещряли многочисленные борозды и канавки, и казалось, что они вот-вот распахнутся пошире и заглотят ее целиком, выпустив откуда не возьмись длинные суставчатые руки. Она отвела взгляд от дерева, так напоминающее ей полузабытое мифическое существо, и постояла немного, чтобы позволить глазам привыкнуть к искусственному свету, сияющему чуть впереди. Лучи фонарей трех полицейских указывали на что-то, лежащее у берега. Разрезая тьму, они отбрасывали густые черные тени. Рен нра-

вился такой резкий контраст. Помогает лучше сосредоточиться на сцене преступления.

Почти полностью обнаженное тело женщины лежало у самой границы воды, и над ней колыхалась высокая трава, росшая вдоль берега. Женщина лежала лицом вверх, и голова и плечи у нее были погружены в мутную темную воду. Высокая, вес средний. Рен оглянулась через плечо — ее помощники семенили где-то позади, таща с собой носилки. Даже втроем им будет непросто забрать тело у этого зловещего залива.

Всего две недели назад детективы нашли разлагающийся труп еще одной молодой женщины, лежащий за баром «Двенадцать миль в час». Она лежала лицом вниз в луже, вымокшая в пахнущей болотом воде. Рен сразу увидела в этих двух делах схожие черты, и на нее нахлынуло дурное предчувствие, которое ей пришлось подавить. Каждое тело следует осматривать беспристрастно, ничего заранее не ожидая, и этому правилу Рен следовала неукоснительно. Но даже сейчас, полностью сфокусировавшись на уникальном случае Джейн Доу, Рен сделала себе мысленную пометку: проверить, не спрятал ли убийца что-нибудь на теле. У предыдущей жертвы, найденной две недели назад, в глотке нашлось несколько смятых страниц, вырванных из книги. Они были пропитаны водой и почти нечитаемы, но на одной странице все же можно было разобрать: «Глава седьмая».